

ВВЕДЕНИЕ РЕДАКТОРА

Книга *Анализ, выздоровление и индивидуация* несомненно является весьма ценной — информативной и побуждающей к размышлениям — работой в серии Библиотека Аналитической Психологии. Кеннет Ламберт достаточно подробно описывает в ней процесс анализа и его связь с понятием индивидуации Юнга. Он использует обширный клинический материал, не затемняя при этом смысл общих теоретических размышлений. Тем же, кого интересует деятельность юнгианских аналитиков в Лондоне, Ламберт, возможно, приоткроет дверь в консультационные кабинеты последних. Представляется, что предложенный им способ исследовать, анализировать и описывать словами сложные взаимоотношения между аналитиком и анализандом окажет существенную помощь его коллегам: психотерапевтам и аналитикам.

Как и Юнг, Ламберт подчеркивает важную роль личности аналитика в ходе любого анализа, включающего в себя развитие самого аналитика на этапе его собственного анализа и всего последующего личностного роста; ибо все это неизбежно определяет тип пациентов и проблем, с которыми аналитик сможет — или не сможет — работать. Ламберт пишет также о том, каким образом психические, социальные и культурные установки аналитика могут являться условием, определяющим школу анализа, которую он изберет для обучения. Ламберт соотносит свой путь развития — теоретика и клинициста — с фактом своего англо-ирландского происхождения; со своим интересом к истории идей и практической деятельности, что — в свое время — позволяло ему осуществлять поиск, направленный на демонстрацию неразрывной связи между клиниче-

ской установкой современной психиатрии, обозначенной в клятве Гиппократ и понятием агапе (любви) апостола Павла. Он подчеркивает также свое внимательное отношение к работе коллег, причем, в значительной степени это относится к группе фрейдистов и юнгианцев, которая была организована Уильямом Кремером в Лондоне в 1964 году.

Из всего того, что оказывало на него влияние и представлялось важным в контексте исторических направлений в психотерапии и психиатрии, Кеннет Ламберт сумел выстроить весьма впечатляющую «картину». Он демонстрирует глубокое понимание клинических понятий, разработанных фрейдовской, кейнзианской и юнгианской школами; четко прослеживает их взаимозависимость и влияние на аналитическую практику. В своей книге Ламберт описывает те юнгианские понятия, которые имеют особенно большое значение для нашей клинической работы, и показывает также, как они совершенствовались по мере расширения опыта работы с растущим кругом пациентов, каждый из которых является одновременно и нашим учителем.

Я полагаю, что данная книга появляется в Библиотеке Аналитической Психологии весьма своевременно (1981 г. — прим. Русс. ред.), ибо в ней точно, глубоко и доступно сообщается о том, что юнгианцы в Лондоне делают со своими пациентами — и с собой в связи со своим пациентами — и описываются различные источники и факторы, которые привели их к занятой ими позиции и к принятому методу работы.

Все ссылки на работы Юнга даются по Собранию Сочинений, сокращенно названному CW с указанием номера тома. Даты относятся к первым публикациям на языке оригинала, а не к английскому переводу. В конце книги прилагается словарь.

Розмари Гордон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие практикующие аналитики, переходя ради написания книги из консультационного кабинета в рабочую библиотеку, создают нечто менее членораздельное и не вполне цельное, чем это способны вынести профессиональные авторы. Они живут, испытывая постоянное давление со стороны пациентов, страдающих и потому требующих от своих аналитиков надежности и постоянства. Пациенты при этом ожидают, что усердие аналитиков подкреплено интересным и перспективным характером их работы. Профессиональная жизнь аналитика помимо регулярных аналитических часов, заполнена большим количеством клинических и административных встреч. Помимо того, вполне закономерны и другие отношения — поддерживаются семейные и дружеские связи, связи с социальной и культурной средой. Сюда же входит практическая повседневная жизнь, семейные обязательства, быт, развлечения, спорт, и все вместе это образует ткань жизни, в которой могут формироваться психологические знания. Желательно, чтобы аналитическая работа и посвященные ей труды осуществлялись в рамках такого стиля жизни, который характеризовался бы указанной сложностью, однако это означает, что книги и статьи пишутся урывками. Непрерывность мысли и внимания может при этом нарушаться так, что сознательное и упорядоченное планирование не будет соблюдаться надлежащим образом. Об этом можно говорить без извинительного тона, ибо сам предмет данной книги сопряжен с разбросом, хаосом, распадом и конфликтом противоположностей, которые способны породить различного рода слияния. Такие слияния могут происходить спонтанно внутри личности,

но не посредством выдумок и уловок, а исключительно за счет освобождения от стремления к абсолютному совершенству. Соответственно, и книга, как бледная параллель человека, выходит в мир, к добру или худу, внося в него все, на что оказывается способной.

Со своей стороны, в связи с завершением и публикацией этой книги, я хочу выразить благодарность моей семье, друзьям и коллегам за их терпеливое отношение к тому, что можно было бы рассматривать как небрежность с моей стороны, рассеянность и уклонение от общения с ними во время моей работы над ней. Особая благодарность моей жене за более, чем снисходительное отношение, за внимание и поддержку, за то, что она слушала меня, читала написанное мной и находила неясные места и стилистические погрешности, которые столь часто встречаются в психодинамическом дискурсе. Помимо того, я выражаю глубокую благодарность своим аналитикам за их прием и аналитическую работу со мной, а также моим пациентам за то, что они давали мне возможность работать с ними. Все они внесли важный для меня (как и для всякого аналитика) вклад в длительный процесс приобретения опыта, обучения и усвоения материала. Только это позволяет человеку ощущать компетентность в практике анализа и, в качестве возможного итога, написать об этом.

Благодарность распространяется и на многих моих лондонских коллег, щедро делившихся со мной опытом, участие которых в течение тридцати лет в яростных дебатах значительно расширило мой кругозор и привнесло ощущение уверенности в мою работу. Близость и владение общим языком, невзирая на некоторое недопонимание, обусловленное разнообразными коммуникативными сложностями английского языка, — например, в связи с некоторыми философскими и психологическими проблемами — является преимуществом, которое, будучи суще-

ственным, все же воспринимается порой как данность, и, как следствие, недостаточно ценится. Мой долг обусловлен их личными сообщениями и статьями в журнале *The Journal of Analytical Psychology*. В этой связи, необходимо указать также на ряд книг Майкла Фордхама и, в частности, на книгу *Юнгианская психотерапия*, опубликованную в 1978 году и представляющую собой знаменательную веху на пути развития аналитической психологии в Лондоне. Эта книга пользуется широкой известностью; в ней освещается более широкий круг тем, чем тот, который охватывается в моей книге. Особую благодарность я выражаю Олив Полдж и Хейзел Кейнал за их участие в напечатании моей работы; особенно я благодарен также своему редактору Розмари Гордон, за ее критические замечания; Диане Ривьер за литературное редактирование; сотрудникам издательства Academic Press за их терпение и выдержку.

В главах 3 и 8 используются материалы из статей, которые были опубликованы ранее; эти материалы были в значительной мере пересмотрены и сориентированы на демонстрацию методов, способствующих тому, чтобы клиническая работа по анализу и восстановлению душевного здоровья позволила спонтанно реализовать индивидуацию в соответствии с возрастом пациента и окружающей его средой. В основу главы 3 положена статья, напечатанная ранее в *The Journal of Analytical Psychology*, **18, 1**

под заголовком «Агапе как терапевтический фактор в анализе», а затем во втором томе Библиотеки Аналитической Психологии под заголовком «Личность аналитика в интерпретации и терапии». Глава 4 представляет пересмотренную версию статьи «Соппротивление и контрсопротивление», опубликованной в *The J. of Analytical Psychology*, **21, 2**. Глава 5 является пересмотренной английской версией статьи, опубликованной ранее на немецком языке

под заголовком «Значение архетипических функций объектных отношений и интернализированных объектов для личностных отношений ребенка и матери» в журнале *Zeitschrift fuer Analytische Psychologie und ihre Grenzgebiete*, **8a**, 1. В главе 6 используется материал из статьи «Некоторые замечания о процессе реконструкции», опубликованной ранее в журнале *J. of Analytical Psychology*, **15**, 1, а также в том 2 Библиотеки Аналитической Психологии. В главе 7 используется материал статьи под заголовком «Перенос и контрперенос; закон воздаяния и благодарность», опубликованной ранее в *J. of Analyt. Psychol.*, **17**, 1, а также в том 2 Библиотеки Аналитической Психологии. Глава 8 представляет собой слегка пересмотренную версию статьи «Использование сновидений в современном анализе», опубликованной в *J. of Analyt. Psychol.*, **24**, 2, а также статьи «Методы лечения в аналитической психологии» (под ред. Ian Baker), 1980, издательство Fellbach Verlag Adolf Bonz, представленных на VII Международном Конгрессе Международной Ассоциации Аналитической Психологии. Версия на итальянском языке была опубликована в *Oggi Jung*, редакция Альдо Каротенуто, 1978, Rome. Marsilio editori.

Выражаю благодарность редакторам журналов *The Journal of Analytical Psychology*, *Zeitschrift fuer Analytische Psychologie* и *Revista di Psicologia Analitica* за разрешение использовать материалы, которые были ими ранее опубликованы, а также, по той же причине, издательству Адольфа Бонца.

Лондон и Кембридж,
Кеннет Ламберт
май 1981

АВТОРСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних тридцати лет аналитические психологи в Лондоне и других местах встречались с явлениями, которые заставляли их в определенной степени пересматривать и уточнять понятие индивидуации, предложенное Юнгом. Одним из самых главных результатов этой работы явилась теория Майкла Фордхама относительно первоначальной самости, которая последовательно деинтегрируется и реинтегрируется в различные моменты на протяжении жизненного цикла индивида. Таким образом, внутренние архетипические паттерны поступательно «раскрываются» и дифференцируются в условиях активации за счет контактов с соответствующими объектами, людьми и процессами внешнего мира, которые могут стать символами для соответствующей личности. В результате, такие архетипические потенциалы приобретают некоторую реальность плоти и крови, пространства и времени. Затем они могут быть вновь реинтегрированы в целое, после чего, в надлежащее время, может произойти дальнейшая деинтеграция и реинтеграция. Таким образом, самость развивается во всей своей усложненности внутри и в воплощенности вовне (*in complexity within and in realization without*). Теория Фордхама оказалась весьма эффективной, она позволила юнгианцам внести свой вклад в сближение точек зрения фрейдистов и юнгианцев на теорию и клиническую практику в различных частях света, а также извлечь из нее определенную пользу.

В данной книге такие темы подвергаются новой оценке и на основе клинических примеров разрабатываются более детально. Демонстрируются способы использования современными юнгианцами клинической деятельности,

которая в прошлом обычно ассоциировалась с психоанализом, хотя она встречалась и у Юнга; такая деятельность направлена на облегчение психологического пути пациентов к индивидуации с помощью реконструкции или высвобождения. Клиническая деятельность включает в себя анализ сопротивления и контрсопротивления, а также переноса и контрпереноса. Помимо того, частью повседневной клинической работы стали: реконструктивный анализ, наблюдения за сложностями, с которыми приходится сталкиваться при формировании объектных отношений и внутренних объектов. В довершение всего, в отношении видений и снов проявилась большая утонченность и искушенность в контексте общего анализа личной жизни и ее архетипического фона.

Не вызывает сомнений, что динамика подобных явлений обуславливается не только иллюзорными, галлюцинаторными или

архетипическими ситуациями переноса — контрпереноса, но частично и отношениями между пациентом и аналитиком как реальными личностями. В настоящей книге рассматриваются и подкрепляются взгляды Юнга на необходимость для будущих аналитиков подвергаться строгому анализу. Это не только дополнит их личный опыт, но и позволит им высвобождать большую часть своего личного потенциала в качестве составляющей движения к интеграции и индивидуации. Это также может помочь им выделить часть амплитуды своей личности для взаимодействия с пациентами, когда они будут к этому готовы, что позволит повысить эффективность аналитического толкования. Автор полагает также, что справедливость подобного взгляда находит все большее подтверждение, благодаря его частичному соответствию медицинской и пасторской практике, коренящейся еще в

клятве Гиппократата, а также в понятии агапе, сформулированном апостолом Павлом.

Возможно, в данной книге в большей степени, чем в обычных работах об индивидуации, делается попытка продемонстрировать способы, с помощью которых анализ и душевная реконструкция могут быть применены в случаях повреждения, искажения или задержки развития у человека в качестве приоритетных шагов для высвобождения спонтанных процессов индивидуации. В таком контексте попытка сформулировать современную юнгианскую теорию индивидуации представляется крайне своевременной. Она рассматривается в последней главе. За ней располагается словарь современных терминов, применяемых в аналитической психологии.

Перечисленные выше проблемы представляют несомненный интерес для психиатров, психологов, аналитиков, психотерапевтов, консультантов, социальных работников и священнослужителей. Думается, что они заинтересуют также философов, социологов и теологов — всех, кто в своей работе связан с личностными проблемами.

Книга посвящается D. L., M. F., и F.F.

Глава 1

ИНДИВИДУАЦИЯ И ВЗАИМНОЕ ВЛИЯНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Я написал эту книгу как один из первых практикантов Общества Аналитической Психологии, став ее Ассоциированным членом в 1950 году. Для меня членство в этом обществе, как и участие в деятельности лондонских психоаналитиков в течение более, чем тридцати лет, послужило опорой и стимулом. Я являюсь также членом группы фрейдистов-юнгианцев с начала ее образования в 1964 году. В Лондоне ее возглавляет Д-р Уильям Кремер. Здесь аналитические психологи регулярно встречаются и обсуждают клинические проблемы. В результате данного периода нашей работы был достигнут существенный прогресс в деле объединения обоих важнейших направлений аналитической теории и практики, которые ранее, на протяжении предшествовавшего тридцатилетия (с 20-х по 40-е годы 20-го века) развивались либо изолированно, либо в прямом противостоянии друг другу. Такое разделение на противоположные лагеря позволило заполучить свободное пространство, в рамках которого каждый мог работать и развиваться изнутри. Однако, в дальнейшем, под давлением накопившихся проблем самих пациентов, с одной стороны, и под влиянием естественного любопытства — с другой, аналитики стали «подглядывать» за соседями — в более явной форме это происходило у лондонских юнгианцев, менее открыто, приватно — у фрейдистов.

В конечном итоге, процесс раскола, завершился постепенным увеличением взаимного интереса друг к другу. Для аналитической теории и практики такой интерес представляется полезным, в долгосрочной перспективе, хотя говорить о его пользе для аналитиков в ранний период становления обоих направлений говорить не приходится, причем это относится не только к их собственному анализу, но и к тому, что они предлагали в то время своим пациентам. Это, конечно, вопрос больше хронологический, — такова их судьба, появиться на свет в начале века — но возможно, что, в конечном счете, все выглядело не так уж и плохо, если аналитики могли сохранять жизненные силы для восприятия нового в своем аналитическом развитии и регулярно участвовать в клинических обсуждениях и спорах.

Таким образом, оказывается, что по мере роста нашего самопонимания все большее число людей приходит к выводу о том, что не следует рассматривать отношения между обеими школами как совершенно несовместимые, способные порождать лишь взаимную деструктивную враждебность. Говоря объективно, отношения между ними в настоящее время можно определить как становящиеся взаимопроникающими и взаимодополнительными. Даже изначальный личный разрыв отношений между Фрейдом и Юнгом, который в прошлом часто рассматривался как результат несовместимости темпераментов или типов личности, представляется сегодня менее важным и обусловленным различиями в происхождении и семейных обстоятельствах.

Такие факторы могут способствовать возникновению различных концептуальных стереотипов относительно того, что есть психиатрическое здоровье или вред, и относительно чего в наши дни достигнуто гораздо лучшее взаимопонимание. Сегодня представляется, что расхож-

дения коренятся скорее в смысловых ударениях, часто порождаемых происхождением, чем в полной несовместимости философии или темперамента, хотя Юнг и подчеркивал типологические различия между собой и Фрейдом (Юнг, 1963); а значительно позднее Уинникот в своем известном обзоре книги Юнга *Воспоминания, сновидения, размышления* отмечал, что в тот период развития аналитической теории обоим личностям едва ли возможно было понять друг друга, настолько сильно различались их личные проблемы (Winnicott, 1964).

Что касается теории и клинической практики, то одним из способов продемонстрировать взаимодополнительность обоих направлений является использование метода контраста. Можно, например, противопоставить друг другу столбцы с изложением некоторых точек зрения, принятых в обеих школах, которые традиционно считались характеризующими их полную несовместимость. Я попытаюсь это сделать, а затем коротко опишу, каким образом, базируясь на своей внутренней логике и под давлением клинических нужд, обе школы смогли преодолеть эти, кажущиеся непреодолимыми, барьеры и приблизиться друг к другу. Ниже приводятся составленные мной столбцы, *которые не следует понимать как относящиеся к современной ситуации.*

НЕКОТОРЫЕ УСТАНОВКИ КЛАССИЧЕСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ТРАДИЦИОННЫМ МОДЕЛЯМ

Традиционный психоанализ	Традиционная аналитическая психология
<p>(1) Основной интерес заключался в анализе психопатологии, которая может быть соотнесена с ранними деформациями, поддержанными инстинктивными процессами побуждений; в высвобождении нормального развития; и в усилении эго с целью достижения лучшего отношения с суперэго и ид.</p>	<p>(1) Основной интерес заключался в индивидуации, интеграции и реализации самости. Психопатология понималась как возникающая из важных элементов самости, остающимися в бессознательном, «в тени» и тем самым способными функционировать искаженно и неполноценно. Считалось, что процессы побуждений структурированы и архетипичны по природе.</p>
<p>(2) Аналитик был, в основном, человеком, скрывающим реальную действительность, а перенос – в основном, проекцией на него фигур раннего детства и вообще, прошлого в жизни пациента.</p>	<p>(2) Аналитик являлся человеческим существом в диалектическом единстве со своим пациентом. Перенос принимался, в основном, через архетипическое содержание здесь и сейчас. Имела место тенденция пренебрегать прошлым, хотя признавался <i>редуктивный (reductive) анализ с противопоставлением ему синтетического анализа.</i></p>

<p>(3) Большую часть времени аналитик занимался, в рамках переноса, реконструкцией раннего периода жизни своего пациента, устанавливая его связи с прошлым, тем самым освобождая его от идентификации с ними.</p>	<p>(3) Аналитик стремился понять сущность архетипических процессов своего пациента, появляющихся здесь и сейчас, а в перспективе как внутри переноса, так и вне его. Для этого ему требовалось знание архетипического материала, который мы находим в религии, мифологии, сказках и т.д. Его вмешательство могло иметь много разновидностей.</p>
<p>(4) Аналитик, в соответствии со своим методом, был относительно пассивен. Ему требовалась способность слушать сообщения пациента, которые были, в основном, устными. Его вмешательство также заключалось, в основном, в словесных интерпретациях, которые строго соответствовали анализу как по содержанию, так и по намерениям, по крайней мере, в расчете на долгий период, даже если предполагалось, что они должны способствовать коммуникации.</p>	<p>(4) Аналитик был слушающим участником диалектического общения с пациентом. Применялись несловесные методы общения, а также рисование, моделирование ит.д. Общение было взаимным и для пациента включало признания, просвещение, обучение, а также трансформацию, и этот процесс позволял и аналитику изменяться самым различным образом.</p>

<p>(5) Пациенту предназначалась кушетка. Сеансы, по возможности, проводились ежедневно и, как правило, продолжались в течение 50 минут. Во время прохождения анализа у пациента могла развиться сильная зависимость от аналитика</p>	<p>(5) Обычно пациент сидел на стуле прямо перед аналитиком или несколько наискось от него. Сеансы проводились не столь часто. В определенной степени пациент и аналитик совместно работали над изучением материала пациента, а также архетипическим материалом, сознательным и бессознательным, личным и коллективным.</p>
<p>6) Сновидения рассматривались как защитные маневры пациента, направленные против признания основных инстинктов. Возникая спонтанно в виде своего рода компромисса, или замены удовлетворения от давления ид и суперэго, они могли использоваться в качестве уклончивых воображаемых образов для скрытия проблем в целях защиты.</p>	<p>(6)Содержание сновидений интерпретировалось значительно проще, как если бы сновидец верил в сказанное им, но пользовался языком символов, типичным для стороны психики, известной поэтам и художникам, но часто менее развитой или находящейся в области бессознательного у современного рационального человека. Оно рассматривалось в качестве важного продукта бессознательной матрицы личности. Игра архетипических образов, различных внутренних и внешних фигур и процессов в сновидце обуславливала содержание и смысл сновидения.</p>

<p>(7) Считалось, что бессознательные процессы состоят из подавленных материалов, из поврежденных или неприемлемых элементов прошлого наряду с элементами защиты. Как полагали, аспекты эго и суперэго подавлялись, как и большая часть ид, которое воспринималось как слепая, бессознательная недифференцированная воля к выживанию и воспроизводству. Психологическая зрелость должна была заключаться в усилении эго, с тем, чтобы восприятие индивидом внешней реальности (закон реальности) мог быть свободен от искажений за счет давления со стороны ид и суперэго. Тогда рост эго позволял бы ид и суперэго находить более яркое выражение, подчеркивая выразительность личности в целом.</p>	<p>(7) Бессознательные процессы воспринимались как (а) подавленные личные переживания и тем самым непережитый личностный потенциал, и (б) более структурированная архетипическая предрасположенность, обусловленная строением бессознательной матрицы личности, называемая коллективным, ибо она формирует стереотипные образцы, общие для всех людей или больших или малых человеческих сообществ (групп). Бессознательной целью психики может явиться индивидуация, интеграция или реализация самости через плоть и кровь, пространство и время. С наступлением старости Юнг все в большей степени подчеркивал важную роль Я – сознания</p>
---	---

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)